

Ленинградские мастера искусств

Горьковский актер

Вранулась навстречу врагам грозная, суровая масса рабочих, которую не в силах удержать жандармы. Стихийно возникает революционная песня. Гитангом высится старый ткач Левшин — Ефимыч, как любовно и уважительно зовут его окружающие. Беспощадным приговором угнетателям звучат спокойные и сильные слова Ефимыча: «Нас — не выпыраешь, нет! Будет, швыряли!...». Вздывается над головами его рука, устремленная вверх, жилистая, твердая рука мастера, рука строителя, — и нет такой силы, которая могла бы согнуть, опустить эту руку...

За образом Левшина в исполнении А. И. Ларикова встают большие, мощные пласты живой истории русского рабочего класса.

Сильно, убежденно передает актер и глубину размышлений Левшина о жизни, и неумную любовь его к людям-творцам, и хозяйское отношение старого рабочего к трудам своих рук, и живительное чувство превосходства, достоинства пролетария-революционера при столкновении с врагами. Облик лариковского героя неотрывен от покоряющей правды неторопливой и весомой его речи, жеста, зоркого, умного прищурения глаз, лукаво покойной уменщины... Это образ — горьковский по существу, по мысли, по темпераменту.

Люди, воссозданные Горьким в пьесе, для А. И. Ларикова не просто «роли», а отщипки живых, реальных лиц, встречавшихся на жизнен-

ном пути актера. Ему не пришлось придумывать грим для Левшина, — достаточно было припомнить лицо родного отца. Молодые рабочие Греков, Рябцев — это ж были сверстники, товарищи юного Ларикова, а затем и первые его зрители, критики, когда он стал выступать на окраинах и в пригородах Петербурга в любительских спектаклях.

Сын тверского крестьянина, мастерового, поступившего после многолетних скитаний «по людям» капельдинером в Александринский театр, Александр Иосифович с ранних лет узнал характерный быт рабочих окраин Петербурга. Бывая у отца в прославленном театральном здании, он с детства пристрастился к актерскому искусству.

Свыше сорока лет прошло с тех дней, как сперва учеником-любителем, а затем и начинающим актером-профессионалом стал играть он в маленьких «бродячих» труппах. Урывками — то в любительском кружке, то вместе с группой сотрудников-статистов Александринского театра — занимался он у известных актеров Ю. М. Юрьева, А. Н. Лаврентьева, Н. Н. Ходотова. Но основной его школой стал повседневный труд на сцене, сотни ролей, переигранных за те годы.

На этих спектаклях, еще 35 лет назад, Лариков встречается с пьесами своего любимого автора — Горького. Он играет Васюку Пепла и Бубнова в «На дне», Нила в «Мещанах». Горьковские пьесы, нещадно запрещавшиеся для постановки в «народных театрах», были

в дни артистической юности Ларикова не правилом, а исключением в репертуаре. С большой теплотой вспоминает сейчас старый актер о первых встречах с образами русской классики — Островского, Гоголя, Писемского, Л. Н. Толстого (который тогда был, правда, еще современником!).

Революция застает А. И. Ларикова актером опять-таки окраинного Лесного театра, откуда он переходит сперва в труппу новообразованного рабочего театра железнодорожников, а затем в театр Народного дома на Петроградской стороне.

Решающим оказался переход в 1925 году в Большой драматический театр. Для сегодняшних зрителей облик этого театра также неотрывен от имени Ларикова, как, скажем, от имени Софронова, Казико. Это естественно. Вместе с театром Лариков явился убежденным пропагандистом и истолкователем новой, современной советской драматургии. Многолетняя, увлеченная работа над образами современности позволила актеру выковать и закалить талант и мастерство.

Лариков — мастер сильных, волевых, «кряжистых» характеров, словно высеченных из массивного, цельного куска. Мужественность, волю, презрение к мещанству — все это находит в передаче Ларикова колоритные, характерные краски, чем-то родственные — если говорить о живописи — густому репинскому мазку.

Трудно забыть лариковский образ кипуче темпераментного, неукротимого

бунтаря, коммуниста безработного Стэбса в спектакле Большого драматического театра «Улица радости» («Джой стрит»). Нежно, с суровой ласковостью пел его Стэбс свою песню «Далеко на Востоке оставил я сердце...» — песню о стране, которую он никогда не видел, но которая была ему родной! Глубокой верой были полны слова его о будущем, которое «принадлежит нашим докерам, металлистам, кочегарам».

В спектакле «Кубанцы» Лариков превосходно показывал трудный, но благодарный путь к революции такого «тугоплавкого» человека, каким был его вольнолюбивый Назар Ватлук. А рядом — монументальный образ старого охотника, горлого патриота Ягора в пьесе Г. Мдивани «Честь».

В театре, носящем имя Горького, Лариков с особым наслаждением окупался в горьковский репертуар. Он сыграл попа Павлина, купца Губина в пьесах «Егор Булычев и другие» и «Достигаев и другие», Тетерева — в «Мещанах», Сатина — в «На дне». Наиболее значительным явилось исполнение роли Тетерева, в которой Лариков выступил уже свыше 250 раз!

Образ рождался в спорах, в жаркой полемике. Спорным был перво-

начальный режиссерский замысел А. Дикого — «еще одна разновидность мещанства». Недаром в первых рецензиях режиссер, а за ним и актер получили немало обидных упреков за искажение образа Тетерева, превращенного в «доморощенного карикатурного «Мефистофеля», в «сумрачного человека, изрыгающего тупые и тяжеловесные слова». Большая и яркая правда горьковского образа, реалистическая природа дарования актера, его воодушевленность идеей образа вскоре взяли свое. Лариковский Тетерев ныне равнозначен и равнозвучен Тетереву горьковскому.

Умение воплощать большие, сильные характеры новой действительности сказалось в исполнении А. И. Лариковым таких ролей, как «руководящее лицо» в пьесе Погодина «Мой друг» или эпизодическая роль старого адмирала Белоброва в «Офицере флота» Крона, когда в течение каких-нибудь десяти минут Лариков ухитрялся дать представление о громадной, интереснейшей, поучительной биографии советского адмирала-большевика, выросшего в крупного государственного деятеля.

Излюбленный мотив «мужества больших сердец» Лариков убедительно передавал и обращаясь к классической драматургии. Таким он был

в роли грубовато мужественного, бескорыстно верного в дружбе Кента в постановке шекспировской трагедии «Король Лир».

Колоритны, социально заострены «купеческие образы» Ларикова. Внешне благочинный «европеизированный» купчина Кнуров, бесчеловечно жестокий в своем холодном цинизме («Бесприданница» Островского). Хищник и самодур Каркунов («Сердце не камень»), грозный и грузный «хозяин», не изменивший даже на пороге смерти своей расчетливо торгашеской натуре. Горьковская мысль о «царствии, где смрад...», наглядно оживает в живых социальных портретах.

Столь же мастерски раскрывает Лариков контраст между подлой сущностью и наружным благообразием, показным «демократизмом» стяжателя и в образе Джо Келлера.

Образы, воплощаемые А. И. Лариковым, полны жизненной, социальной, психологической правды. Актер воплощает их со всей страстью художника-реалиста, знающего, за что и во имя чего он борется в жизни и в искусстве.

Сим. ДРЕЙДЕН

На снимках (слева направо): А. И. Лариков в ролях Тетерева («Мещане») и Левшина («Враги»)

